

Сергей Кравцов (Михалыч)

ТРИ НЕБЫЛИЦЫ ЗА ПОСТОЙ

Сергей Михайлович Кравцов

Три небылицы за постой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63382617

SelfPub; 2023

Аннотация

В некотором царстве, в некотором государстве... Обделённый судьбой подпасок Николка, на долю которого выпало немало невзгод, стойко переносит её удары и, несмотря ни на какие обстоятельства, остаётся добрым и отзывчивым. Твёрдость его характера, ум, благородство и отвага помогают ему побеждать любые трудности. Благодаря этому, он достигает невероятных жизненных высот. А искуснейший мастер Степан, которого преследует злая ведьма Нужда Беспросветная, вопреки настояниям чёрных, колдовских сил даже в, казалось бы, безвыходной ситуации остаётся самим собой и не склоняется перед злом. И его усилия оказываются не напрасны – зло повержено, злые колдовские чары разрушены. А вот весёлому, остроумному Солдату выпал случай явить своё хитроумие, чтобы помочь и себе, и своим спутникам. Не меньше хитроумия требуется и недотёпистому стражнику Захарке, чтобы вернуть похищенные сокровища Грамтарарамдии.

Содержание

От автора	4
Конь вороной, конь серебряный	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Кравцов

Три небылицы за постой

От автора

Наверное, нет такого человека, который не читал бы сказок. Их в мире придумано бесчисленное множество. И чего в них только нет! Есть самые невероятные события, есть волшебные вещи, имеющие сверхъестественные свойства, есть звери, которые думают и говорят по-человечески. Но всегда в сказках главное – люди. Даже если сказка о приключениях испечённого из теста Колобка – за этим простоватым хвастунишкой, который сумел обмануть и Зайца, и Волка, и Медведя, но всё равно достался хитрюге-Лисе, видится какой-то человек с похожей судьбой. Может быть, даже, кто-то из нас?..

И хотя счёт сказкам в мире пошёл на многие тысячи (а может, уже и на миллионы?), позвольте предложить ещё их некоторое количество. О чём эти сказки? Да, всё о том же – что добро всегда обязательно побеждает зло, что правда пересиливает кривду, что щедрость – мудра и прекрасна, а алчная жадность – глупа и бессмысленна... И кто с этим не согласится? Ну, а раз, все с этим согласны, то, тогда – за дело! Читаем!

* * *

Конь вороной, конь серебряный

Судьба человеческая, порой, очень причудлива. Кого-то она балует, осыпая своими подарками, а кому-то посылает одни лишь беды и невзгоды. Правда, и от самого человека в его жизни зависит очень многое. Иной из тех, что имеют от самого рождения всё, о чём только можно мечтать, до самой старости не живёт, а чадит никчёмным сорняком, ничего хорошего после себя не оставив. А вот, тот, что изначально был обделён, благодаря своему уму, храбрости, упорству и трудолюбию, не так уж и редко, достигает небывалых жизненных высот на зависть избалованным пустоцветам.

...Давно это было. Годов, скажем, триста, а то и все семьсот назад. В ту пору, может быть, лаптем щи и не хлебали, но в лаптях ходили – это точно. В те времена, если куда надо было поехать – так только на лошадях, а если куда плыть – так только под парусом. Или на вёслах. Вот так люди и жили – и в городе, и в деревне.

И вот в одной из деревень того царства-государства жил подпасок Николка, по прозвищу Ничей. А он и в самом деле был ничей. Где и когда родился – не помнил, кто отец и мать – не знал. Что с ними случилось, куда они делись – тоже. Помнил только, что ночь тогда была тёмная-тёмная, и много-много жаркого огня, после которого наутро он и остался совсем один у груды огненных углей на месте родительской

избы. Жил по людям – у кого переночует, а у кого и неделю проживёт, если хозяйева не против. Вот так потихоньку и подрос. Так бы и жил он в той деревне, если бы не один скверный случай. У богатого мужика как-то средь бела дня загорелся амбар полный зерна. Вся деревня сбежалась тушить. Огонь потушили, амбар спасли, стали разбираться, отчего загорелось, и кто мог поджечь.

Николка знал, что виноват-то сынок хозяина амбара – он там, за углом, тайком от отца табачком баловался, который у него же и крал. Но Ничей ябедой не был, и поэтому промолчал. Зато сын хозяина поспешил на Николку указать, дескать, это он виноват. Да ещё и расписал, будто сам видел, как Николка специально амбар поджёт. Засомневались люди: да, могло ли быть такое? Если ты видел, как Николка амбар поджигает, то почему не потушил сам, не позвал подмогу? Да и зачем бы нужно было сироте поджигать чей-то амбар? Но богатей и слушать никого не стал – как это, его сыночку, да не поверить?! Заорал Николке, чтобы убирался он из их деревни на все четыре стороны. Мол, добром не уйдёшь – сейчас же спущу цепных псов, затравлю тебя до смерти!

Побоялись деревенские жители вступить за сироту, и пришлось мальчишке идти, куда глаза глядят. Долго он скитался. В иное село зайдёт – и приветят, и накормят, а где-то, случалось, и на порог не пускали. Верно говорят: что ни город – то норов, что ни деревня – то обычай. И вот, как-то

шёл он через перелесок, и услышал чей-то крик:

– Спасите! На помощь!

Хоть и был Николка росту, как говорится, от горшка – два вершка, но от рождения и смел, и удал. Схватил палку покрепче, и побежал на крик. Выбежал он на луг, и увидел там стадо коров. А недалеко от стада, на пригорке, заметил двоих мужиков разбойничьего вида, которые напали на старика-пастуха. Собаку пастушескую они уже убили кистенём и теперь, как видно, надумали с пастухом разделаться. Ну, чтобы потом, без помех, угнать чужое стадо. И тогда свистнул Николка – Соловью-Разбойнику на зависть, отчего у разбойников аж в ушах у зазвенело, да ещё крикнул:

– Эй, Ванька и Петька, заходите справа! Захар, бей их слева! А ты, Никифор, беги, зови сюда всю деревню! Сейчас мы им покажем!..

Как услышали это грабители, перепугались насмерть, побросали ножи и кистени, и, что есть духу, кинулись в лес. Стал пастух благодарить Николку и расспрашивать – откуда он родом и куда путь держит. А как узнал, что мальчишка бездомный круглый сирота, стал его уговаривать, чтобы остался с ним.

– ...Избёнка у нас просторная, со старухой мы живём одни, так что, места тебе хватит, – сказал старик. – Будешь у меня подпаском. А там, если захочешь, можешь какому-нибудь ремеслу научиться. Или кузнечному, там, или гончарному – у нас в деревне умелого люда на всякую работу хва-

тает...

Подумал Николка, и согласился. Вечером с пастухом, дедом Кузьмой, пригнали в деревню коров, а там только и разговоров, что в соседней деревне разбойники напали на тамошнего пастуха, тяжело его ранили и угнали в лес чуть не полстада. Много хозяйств осталось там без скотины. Тогда рассказал дед Кузьма, что и с их деревней случилось бы то же самое, если бы не его новый подпасок. Посудачили сельчане меж собой, и решили: раз этот мальчишка такой бойкий и смелый, то пусть будет подпаском. Так Николка и остался жить в этой деревне, у деда пастушескому ремеслу учиться.

А пастушеская наука только на первый взгляд не шибко хитрая. Всяк, поди, думает: а что в ней особенного? На утренней зорьке стадо выгнал, на вечерней – пригнал, и все заботы. Если бы! На деле-то знать надо было все окрестные и дальние полянки, все опушки, все пригорки и лощинки, все травы, что там растут. Ведь иная трава, бывает, зацветёт – всё, животину к ней не подпускай, иначе отравится. И места с виду пригожие могут оказаться топью непролазной, где и человек и скотина в момент без следа исчезнут, словно их и не бывало. А дед Кузьма знал очень многое. Знал, в каком ручье нельзя поить стадо, иначе молоко будет горьким, как полынь, знал травы, что как змеиный укус ядовиты, а ещё знал и то, какой травой от лихорадки и всякой иной хвори спасаться... Всё это Николке рассказывал да показывал. Как только стадо ляжет на отдых, выдастся свободная минутка,

он тут же – за науку. А мальчишка памятьвым оказался да смышлёным. Всё на лету схватывал, запоминал с первого раза.

Так вдвоём лето они и проходили за коровьим стадом. Всего им досталось через край – и зноя полуденного, и дождя проливного, и тумана непроглядного... А прошло лето, отложила осень, выпал снег – и кончилась их работа пастушеская. Чем зимой заняться? Дедова хозяйка – бабка Дарья, всю зиму за ткацким станком просиживала, ну а сам дед Кузьма и Николка взялись лапти плести, сети вязать, ложки да кадки строгать... Как мороз отпустит, идут на рыбалку с сетями. Рыбы наловят, везут на базар. Всё какая-то копейка, чтобы до весны дотянуть. Как-то выстрогал дед Кузьма Николке широкие лыжи охотничьи, смастерил ему лук и стрелы, научил с ними управляться, и стал подпасок в зимнюю пору промышлять мелкого пушного зверя. Глаз у него острый, рука твёрдая, на ногу скор. Так до весны и дожили. Да ещё и с прибылью оказались. А настала весна – снова в поля со стадом.

Прошло с той поры лет десять, или что-то около того. К тому времени дед Кузьма на ноги совсем ослаб, пасти уже не мог. Да и бабка Дарья тоже еле передвигалась. Теперь Николка стал у них главным добытчиком. За эти годы старики к нему привыкли, как к сыну. Да и Николка их за родителей почитал. Вымахал он крепким, да плечистым, умом смекалистым, нравом весёлым и на все руки умелым. И избушку

починил, чтобы не завалилась, и сад при ней посадил – всё у него получалось да ладилось. Заведёт, бывало, над речкой песню – рыбаки про свои сети забывают, косари и косы побросают, чтобы не мешали слушать. Даже разбойники, напав на купеческий обоз – и те начисто забывали, зачем вышли на большую дорогу. Ну а если заиграет Николка на своей пастушеской дудке плясовую, то и коровы, и их хозяйки идут, приплясывают.

Бывало дело, ещё в ту пору, когда Николка только-только появился в деревне, находились такие озлобыши, что над ним посмеяться норовили. Дескать, нищета ты безродная, нам, зажиточным – не ровня! А как вырос он да окреп, все болтуны да обзывалы свои языки сразу же поприкусили – попробуй, скажи такому богатырю что-нибудь обидное! Долго потом вспоминать придётся – Николка, вон, и медные пяточки пальцами пополам сгибал, и мог разогнуть руками самые крепкие подковы. Теперь все девки деревенские норовили ему на глаза попасться да приглянуться – а вдруг, сосватает? Только Николка насчёт этого и не задумывался. Видно, чуял, что где-то далеко от этих мест его судьба. А тут ещё холодным осенним днём не стало его стариков – до женитьбы ли? В один час они ушли. Как-то вернулся Николка, и прямо с порога увидел, что дед Кузьма и его старуха лежат на лавках во всём белом. Подозвал его к себе старик, и чуть слышно сказал:

– Ну, вот и всё, Николка, настал нам срок – ничего с

этим не поделаешь. Теперь один остаёшься жить. Хочу напоследок открыть тебе две тайны. Здесь, под печкой закопаны деньги – медь и малость серебра. Всю жизнь я их копил, всё хотел купить себе коня. Теперь его купишь ты. Только помни: бери коня всякого – рыжего, серого, гнедого, буланого, но только не вороного. Чует моё сердце – как бы не нажил с таким конём беды. И ещё, хочу поведать про одно диво – про это мне рассказывал мой дед. Раз в год из Ведьмина омута, что от деревни в пяти верстах, в ночь на Ивана Купала выходят три русалки на бережку порезвиться, по лужайкам поскакать. Случись в тот час поблизости путник, они его тут же заставляют сыграть им на гусях, там, или на дудке плясовую. И уж если русалкам он сумеет угодить – серебром наградят. Дадут столько, сколько сможет унести. А коль им его игра не любя будет – не обессудь, утащат в омут. Парень ты удалой, на всякое дело гожий. Прожить сумеешь и простым деревенским ремеслом. Ну а уж коль случится крайняя нужда, что хоть головой в омут – попытай удачи. Авось, повезёт...

Похоронили стариков, стал Николка жить один. Когда скотину поставили на стойло, вырыл в подпечье горшок с деньгами, и пошёл покупать себе коня. Да только с покупкой что-то у него не заладилось. Все окрестные деревни исходил, на всех ближних ярмарках побывал, а ничего подходящего так себе и не нашёл. Тогда собрался он на большую ярмарку в городе столичном. Туда идти пешком – недели две, а то и

больше. И дорога туда – как нарочно: всё по лесу, да по лесу. К тому же, хоть ещё и снег не выпал, а похолодало не по-осеннему. И вот, вышел Николка спозаранок, и по просёлку зашагал напрямиком. Ещё солнце не успело взойти, а он уже с два десятка вёрст отмахал. А ближе к обеду уже и через дальнюю гору сумел перевалить.

Идёт Николка через дубраву, и вдруг видит на развилке лесных дорог какого-то человека с бородищей до пояса. Стоит бородач под дубом и держит на поводе коня, да такого, что глаз не оторвать – и стать у него отменная, и грудь широкая, и ноги сильные. Одно плохо – конь этот масти вороной, а такого дед Кузьма не велел покупать. Но уж так захотелось Николке на этом скакуне погарцевать, что подошёл он к мужику, снял шапку, поклонился старшему, как положено по обычаю и поздоровался. А мужик – ни гу-гу, словно его и не замечает. То ли, ждёт кого-то, то ли, задумался так глубоко... Постоял Николка, полюбовался конём и спрашивает его хозяина:

– Скажи, добрый человек, а не продаёшь ли этого коня?

Мужик в ответ вдруг расхохотался, смотрит на него удивлённо, головой качает.

– Либо, ты купить надумал? За такого коня – сколько можешь дать?

– Да, вот, сколько имею... – ответил Николка и снял с плеча суму со своими деньгами.

Заглянул в неё мужик, и расхохотался ещё громче.

– Ну, и насмешил же ты меня! Да, за него золота надо в два раза больше, чем у тебя медяков. Иди парень мимо – не для тебя этот конь.

Видит Николка – и в самом деле, не выторговать ему этого скакуна. Собрался уходить и спрашивает напоследок:

– Так, а чего же ты стоишь здесь, в этой глухомани, добрый человек? Откуда тут взяться богатому купцу с мешком золота? Шёл бы, вон, на столичную ярмарку, продал бы там коня на царскую конюшню.

– А зачем мне в такую даль идти, ноги бить, сапоги рвать? – усмехнулся мужик. – На такого коня и здесь покупатель хороший найдётся.

– Да, будет тебе! – сомневается Николка. – Тут, вроде бы, царевичи-королевичи не проезжали сроду, графья да князья не проскакивали, богатых купцов в эти места и калачом медовым не заманишь. Кому ты его тут продашь?

– Коня купит тот, для кого я его и взрастил, – нахмурился мужик. – А вот с ним тебе лучше бы не встречаться. А потому, уходи-ка ты, парень, отсюда подобру-поздорову, и поскорее. А не то, появится он – худо тебе придётся. И медяки свои даром ему отдашь, и голову потеряешь.

– Да кто же он такой-то?! – ещё больше удивился Николка.

– Это – я! – словно медведь прорычал кто-то из чащи, и на дорогу вышел человечище ростом в косую сажень, с брюхом в три обхвата, с рыжей бородой в два локтя. – Владыка здешних лесов, атаман разбойников лихих Карпило-Живо-

дёр. Слыхивал обо мне, блоха двуногая?

Очень задело Николку то, как обозвал его атаман.

– А то, как же? Слыхивал! – кивнул он в ответ с таким видом, будто Карпило для него не душегуб-разбойник, а мелкий приказчик из скобяной лавки. – Вот, только, не думал, что ты такой толстый. Эк, тебя разнесло-то, болезного! Как же тебя этот конь носить будет? Чай, только взгромоздишься – сразу спину ему переломишь.

У атамана от того, что он услышал, даже глаза на лоб полезли. Выхватил он саблю и заорал на весь лес:

– Ах ты, невежа! Да знаешь ли ты, недоумок, что у меня в ногах князя валялись, графья сапоги целовали, молили о пощаде! А ты, деревенщина безродная, мало того, что самовольно заявился в мои владения, так ещё и языком своим глупым смеешь вести речи дерзкие? Умрёшь ты сейчас же, смертью страшною и лютою.

Тут, свистнул атаман – даже деревья закачались, и высыпало из чащобы со всех сторон три дюжины разбойников – все с луками-стрелами, все при ножах, все при саблях, с топорами и палицами.

– Эй, брательнички-разбойнички! – крикнул им атаман. – А изрубите-ка вы этого невежу на самые мелкие куски! Пусть знает, что с Карпилой-Живодёром шутки плохи!

Вскинули разбойники свои сабли и ятаганы, и накинулись на Николку. Ещё миг, и – быть бы ему убитым, да только размахнулся он своей сумой с монетами, которых в ней бы-

ло фунтов десять – не меньше, да так прошёлся ею по кругу, что все разбойники словно горох покатались, кто куда. И сабли и ятаганы побросали. Не ожидали, что оказалась су-ма тяжёлой, да и рука силой не обделена. А Николка тут же, следом, махнул сумой в другую сторону – разбежались, кто куда, и все остальные. Удивился атаман, совсем по-другому заговорил:

– Ого! Вижу, вижу я, что человек ты непростой. Ладно, будем толковать на равных. Давай ударим о заклад: коли выдержишь три испытания – твой конь. Коли не выдержишь – десять лет будешь у меня в дармовом услужении, исполнять станешь всё, что ни прикажу. Согласен?

Подумал Николка и кивнул:

– Согласен! Только давай наш договор на бересте составим и кровью своей подпишем.

Хоть и не хотелось этого атаману, но согласился он. Написали на бересте договор и подписались кровью.

– Слушай же! – говорит атаман. – Есть у меня лучник Афонька. Всех искуснее стреляет он из лука. Вон, видишь, висит жёлудь на верхушке дуба? Собыёшь его стрелой ты – твоя взяла. А если Афонька – наша.

Натянули Николка с Афонькой луки и выпустили по стреле. Афонька выстрелил первым, и срезала его стрела жёлудь вместе с веткой. Тут же просвистела стрела Николки, и на лету рассекла жёлудь пополам. Разбойники от удивления взвыли, а атаман от злости даже зубами скрипнул. Назначили вто-

рое испытание. Стал состязаться Николка с Никиткой-конокрадом – кто кого арканом захлестнёт. Метнул Никитка аркан, да Николка сразу же от него увернулся. А вот метнул Никола свой аркан – вмиг опутал конокрада с ног до головы. Снова взвыли разбойники, а атаман свою бороду в ключья рвать начал. Убил бы он Николку, изрубил бы саблей, а нельзя – сам же бересту подписал кровью. Знает, что если такое заклятие нарушить, беду на себя накличешь страшную и неминуемую.

– Ладно, – сказал Карпило-Живодёр, – теперь последнее испытание. Теперь мы с тобой тягаться будем. Кто из нас на этом коне усидит, тот и будет им владеть.

Подошёл он к вороному скакуну, а тот храпит, скалит зубы, на дыбы поднимается, из рук хозяина рвётся. И только запрыгнул Карпило в седло, как конь взвился свечкою, и словно пушинку стряхнул с себя разбойника. Грохнулся тот на землю, чуть рёбра не переломал. Настал черёд Николки. Подошёл он к коню, а сам с разбойников глаз не спускает. Те притихли, насторожились – обидно им, что какой-то пришлый по всем испытаниям их превзошёл. А атаман от жадности и злости, забыв про договор, начал нашёптывать своим подручным, чтобы стреляли они в Николку, если тому удастся удержаться в седле.

Понял Николка, что не хочет Карпило-Живодёр отпустить его живым, и решил пойти на хитрость. Поставил он ногу в стремя, а конь стоит, как вкопанный – видно, настоя-

щего в нём хозяина почуял. Снял Николка с плеча свою суму и кинул её под ноги разбойникам.

– Вот вам на память все мои богатства! – сказал он и запрыгнул в седло.

Услышали разбойники, как звякнули монеты, и подумалось им, что это золото. А потому вместо того, чтобы исполнить атаманов приказ, кинулись суму развязывать. А Николка тут же сорвался с места, и – был таков. Словно вихрь ускакал он по лесной дороге, только ветер в ушах шумит. Тут уж не зевай – глаза береги! А разбойники как увидели, что только медь с малой примесью серебра им досталась, пригорюнились.

– Эх, – говорят, – такого диво-коня на медяки променяли!

Бранясь, собрали они разбросанные луки и сабли, и побрели к своему вертепу, удивляясь ловкости и удали чужака. А Николка вернулся в деревню без лишнего шума и суматохи, и не стал бахвалиться конём. Спрятал его в старой дедовой конюшне, и всё пошло по-прежнему. Теперь у него появилась новая забота – кормить и холить своего скакуна. Чтобы конь не застоялся, ночами выезжал на нём верхом. Как началась зима, стал Николка рыбачить, охотился, а как настала весна, снова погнал в поля стадо. Пас, да думал про своё житьё-бытьё. Уж давно его досада разбирала, что, как ни работает он, как ни старается, а заработанного, не то, что на новую избу – на штаны с рубахой кое-как наскрести можно. «Поеду-ка я в другие места, – решил он как-то раз. –

Авось, там заработки побольше...»

И вот, объявил он старосте, что уезжает из деревни, и надо теперь на его место искать другого человека. Но не знал и не ведал он, что уготовила ему судьба на этот раз. Напоследок погнал Николка скотину за ближний буерак – место ему хорошо знакомое, травой и водопоем богатое. И всё шло как обычно до того часа, как гнать стадо домой. Вдруг, словно вынырнув из-под земли, появился перед стадом волк величины небывалой, и набросился на коров. В один момент загрыз почти с десяток.

Бежит к нему Николка с дубиной, а зверь и к нему метнулся, вознамерился клыками вцепиться в горло. Но пастух не оплошал, и со всего размаху ударил волка дубиной по голове. Взвыл волк и рухнул оземь. Замахнулся Николка, чтобы добить зверя, но тут налетел ветер, прямо в глаза ему пылью бросил. Всего на миг зажмурился пастух, а открыл глаза – волка-то и нет вовсе. Понял Николка, что не волк это был, а оборотень, и побежал собирать стадо, разбежавшееся по лесу. Всю животину собрал, кроме тех коров, которых зверь загрызть успел. Пригнал Николка стадо в деревню и тут же начался там крик да плач – почти половина целой улицы осталась без скотины. Кричат на Николку хозяева, клянут на все лады. Дескать, зачем погнал коров туда, где волки водятся?! Вот, чем хочешь, тем и расплачивайся за убыток!

Обидно стало парню, что на него такую напраслину возводят: не сразись он с оборотнем, вообще ни одна животи-

на из стада не вернулась бы! Однако не стал Николка пререкаться – что толку объясняться с теми, кто его слышать не желает? – и молча пошёл домой. Решил продать своего коня и рассчитаться с оскудевшими. Только не успел он и половины дороги пройти, как с того конца деревни, где стояла его избёнка, столбом повалил чёрный дым и туда побежали люди с вёдрами. Вслед за всеми побежал и Николка, чуя беду наихудшую. Когда подбежал к тому месту, где стоял его домишко, то даже в глазах у него помутилось: от избы одни угли остались. А всё, что нажить успел, в огне пропало без остатка. У конюшни – ворота нараспашку. Забежал в неё Николка, а коня там – как не бывало.

«Ах, дед Кузьма, дед Кузьма! – загоремычился он. – Не послушался я тебя, неразумный, взял себе коня вороного! Вот и начались у меня беды и неудачи...»

Но, как говорится, слезами горю не поможешь. Надо как-то эту беду перемочь. А как? И понял Николка, что настала-таки та пора, что хоть в омут головой. К тому же, услышал он, что завтра-то и будет день Ивана Купалы. Выходит, сегодня в полночь у омута три русалки будут караулить путников.

«Ну, раз так, – решил он, – нынче же ночью пойду к Ведьмину омуту!»

Дождался Николка вечера и, как стемнело, пошёл через лес при свете молодого месяца. Не стал брать с собой ни дубину, ни лук со стрелами, а одну лишь дудку-жалейку, что

досталась ему от деда Кузьмы. К полуночи вышел он на берег омута, сел на пригорке и стал ждать. А кругом – тихо-тихо, ни ветерка. Ни одна травинка не качнётся, ни один листик на вербах не дрогнет. Один лишь соловей заливается над гладким, как зеркало омутом. Но вот трижды ухнул в лесу филин, и из вод омута без единого плеска, словно тени, вышли на берег три зеленоволосые девы в платьях, серебром отливающих. И стали они бегать по траве, ни одной былинки не пригибая. А сами они как стеклянные – через них видны и кусты прибрежные, и деревья, и месяц через них просвечивает...

Играют русалки на пригорках и меж деревьями в пятнашки, друг над дружкой подшучивают, чему-то смеются, а голоса и смех у них – словно ручей журчит. Смотрит на них Николка, и отчего-то ему вдруг стало не по себе. Подумалось даже, что зря он прийти сюда надумал. Но уж, жалеё – не жалеё, что в такое дело ввязался, а коли пришёл – робости не поддавайся. В таком случае, коли слабинку дал – всё, прощайся с жизнью.

И вот видит он, что бегут русалки в его сторону. Увидели, значит. Неслышными холодными тенями подбежали и закружились подле него колдовским хороводом.

– Если ты пришёл сюда подневольно, то почему не плачешь, не кричишь, не убегаешь? – спросила его первая русалка.

– Если пришёл по собственному хотению, то почему без

подарков дорогих? – спросила вторая.

– Если пришёл за серебром, то знаешь, что жизнью за это можешь поплатиться? – спрашивает третья.

Отвечает им Николка:

– Пришёл я сюда не подневольно, правда, и без подарков дорогих. Был я беден до нынешнего дня, а сегодня и вовсе стал нищим. Дом сгорел, коня моего украли. Осталась у меня одна только дудка-жалейка. Коли хотите, могу вам сыграть.

Достал он из-за пазухи жалейку и заиграл на ней плясовую. Подхватились русалки, закружились – видно, по нраву пришлась им эта музыка. Пляшут они без усталости, неслышными тенями порхают над лугом, на ночном ветру платья да зелёные волосы развевая. Час играет им Николка, другой час пошёл, третий... А они всё пляшут и пляшут не останавливаясь. Ближе к рассвету чует он – совсем руки отнялись. Да и дуть в жалейку сил больше нет. Остановился Николка дух перевести, а русалки к нему подбежали, недовольствуют, серчают:

– Почему играть перестал? Или тебе не нравится, как мы пляшем? Или тебе серебро больше не нужно? Или боишься, что обманем?

– Пляшете вы – и сравнить не знаю с чем. Разве что, с облаками, плывущими в небе? И с серебром не обманете – знаю. Но не под силу ни одному человеку играть плясовую от вечерней до утренней зари!

– Нет! Не верим мы тебе! Не верим! – совсем рассердились русалки. – Мы тебе не понравились, вот и всё! И в наказание за это, мы забираем тебя на дно омута!

Обхватили его холодными руками, и повели к воде. Стал их просить Николка позволить ему сыграть напоследок ещё раз.

– Уж, коли суждено мне стать утопленником, то хотел бы сыграть самому себе заупокойную.

Отпустили они его, и заиграл он песню, да такую жалобную, что и небо тут же подёрнулось тучками, и стали падать капельки дождя. Заслушались русалки, стоят, боясь пошелохнуться. Больше чем плясовая понравилось им это. Говорят они Николке:

– Сыграй ещё такую же! Тогда не будем тебя в омут забирать.

А он видит, что до рассвета ещё не меньше часа. Начал он отговариваться, чтобы время потянуть: дескать, сразу-то и не вспомнишь. Вроде того, вот так, с кондачка, на ум ничего не идёт. Тогда сказала ему первая русалка:

– Если сыграешь песню не хуже прежней, дам тебе серебряный перстенёк с изумрудом. С тем, кому его подаришь, разлучить тебя никто уже не сможет, как бы ни старался.

– Будь по-твоему! – согласился Николка, и заиграл снова.

Вспомнил своё детство сиротские, все горести и обиды той поры. И снова слушали его русалки, боясь проронить хотя бы слово. Закончил он, а звёзды ещё только начали туск-

неть понемногу. Заговорила другая русалка:

– Играй ещё! Дам тебе раковину речную, которая тебя от любой хвори, от любого яда спасёт. Стоит опустить её в кубок с отравленным вином, и оно тут же станет целебным.

И ей смог угодить Николка. Третья русалка пообещала ему три лесных орешка. Стоит съесть всего один из них, как на день вперёд будешь понимать язык зверей и птиц. И тогда заиграл ей Николка самую жалобную, самую сиротскую песню из тех, что знал. Стоят русалки, а из глаз у них слёзы как град катятся. И только закончил он, как откуда-то из-за леса донёсся утренний крик петуха. Огляделся Николка, а никаких русалок нет и в помине. Сидит он на том же самом пригорке, как будто с места и не трогался.

«Уж, не приснилось ли мне всё это?» – подумалось ему.

Поднялся он на ноги, и видит: там, где русалки свои слёзы роняли, лежит на песке у омута целая грудка серебряных монет. Собрал он это богатство в заплечный мешок, и пошёл к деревне. Идёт, и чувствует – в кармане у него что-то лежит. Руку туда сунул, и достал подарки, обещанные русалками – перстенёк с изумрудом, пёструю речную ракушку и три орешка лещины. Шагает Николка по лесной тропинке, от радости ног под собой не чует – как же всё удачно обернулось! И жив остался, и богатства раздобыл, и волшебные подарки получил.

Видит он по дороге всякого лесного зверя и птицу, и разобрало его любопытство: а что, если испробовать действие

волшебного орешка? А тут, как раз, на большой дуб уселись два старых ворона, завели меж собой свой, понятный только им разговор. А Николка быстренько орех съел, и тут же стал понимать то, о чём судачат вороны. Один ворон хвастается:

– Эх и славно я попиоровал нынче утром! За буераком у деревни почти дюжина палых коров валяется. Теперь туда и зверь бежит, и птица слетается. Всем хватит вволю насытиться.

– Отколь же нам такое счастье привалило? – удивляется второй.

– Вчера волк-оборотень порезал. Это мельник с речки Дрёмы. Он давно чёрным колдовством промышляет. А стадо порезать его подговорил атаман разбойников Карпило-Живодёр – мельник ему дядькой доводится. Мельник и избушку пастуха поджёг, и коня у него для племянничка украл...

– Ай, как славно получилось! – радуется второй ворон. – Ну, давай, брат, полетим туда, а то что-то я проголодался...

И, взмахнув крыльями, полетели они к буераку.

«Вот оно что! – изумился Николка. – Значит, это мельник был... Ну, погоди, оборотень проклятый! Рассчитаюсь я с тобой...»

Походит он к деревне, а там у церкви народ собрался, про Николку речи ведут. Дескать, и – такой он, и – эдакий... Иные кричат:

– Надо бы его в железо заковать и отвезти в царский суд, чтобы наказали его как татя и разбойника!

И тут подошёл к ним Николка, и, не тая обиды горькой, спросил:

– Эй, народ православный, разве это я, а не волк-оборотень без скотины вас оставил? Что же вы, ничего доброго не помня, огульно вешаете на меня всякую вину? А скажите, мужики, силой не обделённые, кто из вас в одиночку осмелился бы в поле с оборотнем сразиться? Молчите? То-то же! Всяк смел и отважен, когда уже лихо миновало. Ладно, не бранитесь и не горюйте. Нашёл я чем расплатиться с оскудевшими, кто без животины остался. Подходите, со всеми рассчитаюсь.

И тут же каждому, кто остался без коровы, отсыпал по две пригоршни серебра. Обрадовались люди – Николка-то с ними сторицей расплатился. Иные, чья скотина цела осталась, даже жалеть начали, что не у них коров оборотень порезал. Совсем другие пошли разговоры. Николке кланяться начали, хвалить его на всякие лады. Только он на похвалы не падок был. Молча отнёс в церковь суму с остатком серебра и оставил его там на сирот, калек и нищих.

Стали люди уговаривать его снова идти в пастухи. Только он отказался наотрез.

– Не обессудьте, люди добрые, но здесь моей судьбы нет. А где она – пока, и сам не знаю. Ну а чтобы обо мне худой славы не осталось, укажу вам, кто в наших местах волк-оборотень. Это мельник-чернокнижник с речки Дрёмы.

Расшумелся тут народ, взбаламутился, кто – верит Никол-

ке, кто – не верит. Мол, чем докажешь, что мельник с Дрёмы – оборотень?

– Что спорить попусту? – говорит Николка. – Когда я схватился с волком, то ударил его по голове дубиной. Вот, пойдёмте и посмотрим, что с головой у мельника.

Ещё громче шум поднялся. Похватали мужики колья осиновые, и пошли вслед за Николкой. А путь до Дрёмы был неблизким. Лишь к обеду до неё добрались. Обступили мужики мельницу, стали стучать в ворота и кричать мельнику, чтобы вышел к ним. Но, как ни звали, никто не показался. Ни шороха, ни стука, как будто в мельнице вообще нет никого. Лишь вода шумит на мельничном колесе, да ветер воротами поскрипывает. Снова стали мужики кричать, чтобы вышел он и во всём сознался. Пригрозили даже мельницу поджечь. И тут же из-за ограды вылетел огромный, невиданный в этих краях филин. Заухал он, у людей над головами закружился. Косит на них глазом кровавым, того гляди, клюнет кого-нибудь или когтищами схватит...

Подхватил Николка с земли камень-голыш и, что есть силы, запустил в филина. Угодил камень оборотню прямо в бок. Вскрикнул филин не по-птичьи, и рухнул на землю. Чуть коснулся травы, тут же обратился в огромного матёрого волка со свежей отметиной на голове. Кинулись мужики врассыпную – кто ж думал, что мельник и в самом деле оборотнем окажется?! А волк, оскалив зубы, кинулся на Николку, заранее радуясь, что у того нет с собой дубины, и те-

перь ему обороняться нечем. Только зря он радовался. Николка не растерялся и подхватил кем-то оброненный осиновый кол. Размахнулся, и всадил его остриём прямо в оскаленную волчью пасть. Тут и мужики опомнились, набежали со всех сторон, и – давай оборотня кольями охаживать. Взвыл он, повалил от него чёрный дым, и осталась от мельника только кучка чёрного пепла.

Смотрит Николка, а невдалеке от мельницы – конюшня обветшала, из которой доносится конское ржание. Подбежал к ней, заглянул внутрь, и увидел своего коня, который стоял привязанный, с мешком на голове. Обрадовался он, вывел коня и, положив седло, поехал на нём обратно к деревне. Мужики следом за ним идут, друг перед другом своей смелостью да удалью бахвалятся. Лишь один Николка, слушая их, молча про себя усмехается. Вернулись они домой на закате, а по деревенской улице идёт десятский из царской дружины с двумя ратниками, каждый при сабле и бердыше. Десятский в трубу трубит, ратники в барабаны бьют.

Как собрался народ от мала до велика, десятский развернул бумагу казённую и начал читать царский указ:

– Царь-государь Дементий Премудрый велит всякому храброму да удалому прибыть к его двору, дабы сослужить ему службу верную. Напало на наши края чудище небывалое о трёх головах, на коне железном. Кто его сумеет одолеть – получит великую награду.

Стоят мужики, меж собой о чём-то гомонят, всё подсчитывают да прикидывают – идти ли им на службу царскую, или пока что погодить? Уж никто и не вспоминает свои недавние речи хвастливые. А Николка подошёл к десятскому, спрашивает:

– А скажи мне, служивый, что за награду царь обещает?

– Три сундука золота, – начал загибать пальцы десятский, – если кто не из родовитых – титул князя светлейшего, а в придачу, во владение – богатый город торговый и сто деревень вместе с ним.

– Ну, это мне подходит! – сказал Николка. – Поеду, попытаю счастья. Чай, чудище-то не страшнее оборотня будет?

Услышали это люди, стали его отговаривать: дескать, не ходил бы ты на службу тяжкую и опасную! А мы бы тебя старостой выбрали, избу бы новую всей деревней сладили, невесту подыскали наилучшую с приданным богатым... Но не польстился Николка на эти посулы, поклонился людям и сказал им на прощание:

– Когда по нашему царству разгуливает страшное чудище, неся смерть и разорение, к лицу ли мне прятаться за печкой и думать о корысти? А ну, как, сюда оно к нам нагрянет? Что тогда делать будем? С ним в сравнении, гляди-ка, и волк-оборотень пташкой-синичкой покажется. Нет, люди добрые, не останусь я здесь. Коль уж выбрал дорогу ратную, назад пути для меня уже нет. Может статься, и голову сложу. Значит, так тому и быть. Не поминайте лихом!

Запрыгнул он в седло, и поскакал из деревни в сторону большой дороги, что ведёт к стольному граду. Весь следующий день провёл он в пути – ехал вдоль нив цветущих, вдоль дубрав тенистых, по лугам зелёным. Потом – ещё день, ещё день... Хотя и резвый конь у Николки, а целых пять дней он добирался. И конь устал, и сам он утомился, как будто все эти дни отработал на сенокосе. А когда добрался до столицы, остановился на холме, залюбовался городом с куполами золотыми, с башнями высокими, с теремами богатыми, с воротами серебром обшитыми. Правда, пригороды, что вдоль стен городских тянулись, оказались ничуть не богаче той деревни, где он вырос. Стал Николка думать, куда бы ему определиться на постой. Едет он по посадской улице меж деревянных изб, а по дороге идёт старуха с большой вязанкой дров. То ли сама обессилела, то ли вязанка тяжеловата оказалась, да только споткнулась она и упала. И нет бы, прохожим помочь ей подняться. Куда там! Кое-кто ещё и насмеяться начал. Рассердился Николка, сказал этим пустосмехам:

– Эх вы! И не стыдно над старым человеком потешаться? А ну, прочь отсюда зеваки, не то – плетью всех попотчую!

Зеваки тут же – кто куда, а Николка спрыгнул с коня, помог старухе подняться, спрашивает её:

– Что ж, бабушка, такую ношу на себя неподъёмную взгромоздила?

– Эх, милый, – вздыхает та, – живу одна, дома дров – ни щепки, поесть не на чем сварить. А тут купец не жадный

подвернулся, на одну медную монету дров дал вдвое больше, чем другие.

Взялся Николка помочь ей дрова донести до дому. Ста- ла старуха его расспрашивать, кто он и откуда. Услышала, что собирается незнакомец сражаться с чудищем, только и вздохнула.

– Ох, и много уже удальцов погубило чудище трёхглавое – не сосчитать! Неужто, надеешься, что тебе повезёт?

– А это – как судьба решит, – ответил Николка. – Не всем же от неё бегать? К тому же, бегай – не бегай, а она и за печкой найдёт.

Узнав, что остановиться молодому богатырю негде, старуха предложила пожить на её подворье. Поставил Николка коня в давно пустовавшую конюшню, дал ему овса, налил воды, а сам поужинал, забрался на сеновал и тут же уснул сном непробудным. Что ни говори, а такой долгий путь – всякому ли по силам?

Тем временем хозяйка подворья, которую по уличному звали Селивёрстовной, пошла по соседкам, чтобы хоть что-то выведать про чудовище трёхглавое. Ну, не могло такого быть, чтобы кто-то хоть чего-то о нём не знал. Земля, как говорится, слухом полнится! Всю свою улицу исходила, да только и удалось ей узнать, что чудовище чем-то непонятным с какой-то горой дальней связано. Уже не раз замечалось, что как только за лесом за клубится чёрная туча, вскорости появляется и Трёхглавый. Только, вот, где эта гора –

точно сказать никто не смог. А ещё узнала она, у кого для её постояльца можно раздобыть хорошие доспехи.

Поведала Селивёрстовне об этом вдова кузнеца, к которой она зашла напоследок. Много лет назад приснилось мужу той женщины, будто подъехал к его кузне небывалого вида витязь на белом коне с гривой до земли, в золотых доспехах, и с копьём в руке. И объявил кузнецу незнакомец, что должен он отковать панцирь, который ни стрела, ни меч не возьмут. А ещё меч, который может рассечь и железо, и камень.

– А каков из себя тот человек, для которого я буду ковать доспехи? Сколь он высок, сколь широк в плечах? – спросил кузнец.

– Делай, как душа подскажет, – ответил витязь. – Тому воину, что придёт за панцирем и мечом, они будут впору.

Повеление своё незнакомец приказал держать в тайне, поэтому кузнец работал над доспехами украдкой от всех, больше десяти лет. И закончил работу за год до своей смерти. Даже его жена об этом ничего не знала. Лишь на смертном одре рассказал кузнец ей про свой сон, и назвал то место, где были спрятаны доспехи. Когда она уже вдовой пошла в церковь заказывать заупокойную по мужу, то на иконе вдруг увидела того самого витязя, что ему приснился. Это был сам Георгий Победоносец. И вот теперь, как видно, настало то время, когда за доспехами должен был прийти тот, для кого они и предназначались.

– ...А какой масти конь у твоего постояльца? – напоследок спросила вдова.

– Вороной, – сказала Селивёрстовна.

– Ну, значит, это он и есть! – согласилась та. – Покойный муж мне и сказал про всадника на вороном коне.

Утром проснулся Николка, умылся родниковой водой, почистил и снарядил коня, чтобы в город въехать было не зазорно. А как сел завтракать, хозяйка подворья ему и рассказала про свой вчерашний разговор с вдовой кузнеца. Удивился Николка и обрадовался – значит, сама судьба определила, что надлежит ему сразиться с неведомым чудовищем. Пришли они к вдове, и с ней вместе отправились в старую, уже завалившуюся кузню. Велела вдова копать перед самым горном. Взялся Николка за лопату, и вскоре увидел дубовую дверь, под которой открылся обложенный камнем подвал. В нём-то и были спрятаны чудесные доспехи. Достал их молодой богатырь, примерил, и сразу же стало ясно, что ковался панцирь на него – лёг он на плечи раз в раз, словно сделан был по точной мерке.

Поблагодарил Николка Селивёрстовну и вдову кузнеца, сел на коня и поехал в город. Когда проезжал ворота, стражники и рты пораскрывали, глядя на незнакомого воина. Да и то, как не удивиться? Начищенные доспехи на нём сверкают, аж глаза слепят, конь вороной, стати чистокровной, идёт, приплясывает, из булыжной мостовой высекает искры подковами – в разные стороны они так и брызжут. Пока Никол-

ка до дворца доехал, за ним целая толпа увязалась. Таращатся на незнакомца столичные жители, никак в толк не возьмут – что за богатырь? Каких земель? А на площади перед царским дворцом уже дюжины три удальцов собралось. И не просто витязей, а знати родовитой – и здешней, и заезжей. Все, сплошь – князья светлейшие, графья сиятельнейшие, герцоги, виконты, бароны именитые, и ещё невесть кто.

Все разодеты в шелка и бархат, доспехи на них золочёные, у всех сбруя камнями самоцветными украшена, сабли и мечи лучшими заморскими кузнецами кованы... Прямо, как будто, не на битву собрались, а на весёлую пирушку. Увидели они Николку в простой, одежде из льняного полотна, в доспехах без позолоты, на коне с простой воинской сбруей, и давай над ним потешаться. Дескать, ты-то куда, мужик лапотный притащился? Тебе ли, деревенщине, в одном строю с нами, благородными, стоять? А следом за своими барами и их челядь захихикала. Только не на того они напали, чтобы оконфузить и вывести из себя. Усмехнулся Николка и спросил витязей благородных:

– В добрый ли час смеяться надумали, честные богатыри? Что тешиться до сечи, коли пока неведомо, кто из тут собравшихся будет смеяться после неё?

Сразу же попритихли, понурились удальцы. Вспомнили, что за битва им предстоит, всяк тут же задумался о своей доле. Тут протрубили трубы и глашатаи объявили:

– Эй, молодцы-богатыри! Эй, люд столичный! Слушайте

царское слово, государево наставление.

Открылись ворота дворца, и на площадь вышел царь с боярами. Долго стоял в тяжком раздумье Дементий Премудрый, не говоря ни слова. Примолкла площадь, даже лошади перестали гривой потряхивать. И сказал царь всем собравшимся:

– Знаю я, что не всем из вас суждено вернуться. Страшен и силён Трёхглавый. Но не сробейте, славные воины, одолейте чудище. Иначе погубит оно наше царство, опустеют наши города и веси. А уж я сдержу своё слово царское. Будет тому, кто сразит погубителя земли нашей и уже обещанное, и иная награда. Отдам я победителю страшилища свою дочь единственную в жёны, и быть ему моим наследником на престоле.

Снова протрубили трубы, и из дворца со своими прислужницами и наперсницами княжеских родов вышла царевна Настенька. Встала она рядом с отцом, взгляд потупив. Увидел её Николка, и дух у него захватило – уж, так хороша она собой! А огляделся по сторонам, посмотрел на знать родовитую, и горько ему стало – где уж ему, простой сермяге, с такими-то тягаться, в золото и самоцветы разнаряженными, одетыми, чуть ли не богаче самого царя? Ведь если даже и суждено ему победить трёхглавое чудовище, то удастся ли покорить сердце Настеньки? Захочет ли она по своей воле стать женой – пусть и богатыря, но из простонародья? А если вдруг окажется, что отдавать за него царевну будет против её воли, то зачем ему такая женитьба? Нрав имел Николка

открытый и прямодушный, и потому знал заранее, что если не люб ей окажется, то ничего ему тогда вовсе не нужно.

Приказал царь всем богатырям пройти перед ним по одному, чтобы каждого он смог увидеть, каждому мог дать своё напутствие. Спешились витязи с коней, и один за другим, по роду и чину, пошли перед царём, отрекомендовываясь, кто таков, и выслушивая царское благословение. Первым пошёл боярский сын Фолопий – самый знатный и родовитый. Благословил его царь на подвиги, а он, проходя мимо царевны, снял с пальца тяжеленный золотой перстень с огромным алмазом и бросил к её ногам, как бы желая объявить, что когда вернётся с победой, примет драгоценность назад только с её согласием отдать свою руку. Следом пошёл княжеский сын Аникей. У этого перстень был чуть полегче и украшен рубином. Третьим оказался иноземный герцог Шмургундский, у которого перстень был украшен бесценным синим бриллиантом. Николка шёл последним. Остановился перед царём, как и все прочие витязи преклонил колено и объявил:

– Крестьянский сын Николка, по прозвищу Ничей. Из дальних мест приехал биться со страшным чудищем, не щадя ни крови своей, ни жизни самой!

Удивился царь, да и бояре растерялись. В столицу если и приезжали смельчаки из простонародья, то только чтобы быть на подмоге у воинов благородных кровей. А тут – крестьянский сын наравне с именитыми витязями биться собирается. Хотя... На вид-то он ничуть не хуже любого князя

или графа. И походка твёрдая, и речь смелая, и взглядом чист, и статью своей настоящий воин. Тем паче, что и доспехи у него большим мастером сработаны, да и конь такой, что любому заморскому королевичу на зависть.

Делать нечего, благословил царь воина Николку на подвиги ратные, пожелал ему победы над Трёхглавым. А Николка, глядя на брошенные к ногам царевны перстни, достал подарок русалки и положил тонкий серебряный перстенёк с крохотным изумрудом поверх всех остальных. И пошла рать богатырская за городские ворота, чтобы сыскать в чистом поле врага неведомого и скрестить с ним свои мечи. Как покинули витязи площадь, приказала Настенька собрать перстни и сложить их в ларец красного дерева, чтобы потом, на победном пиру, вернуть украшения хозяевам. Но вот серебряный перстенёк последнего из витязей почему-то подняла сама. Запомнился он ей обликом простым и благородным, манерой скромной, без бахвальства и самодовольства. И близко он не был он похож на расфурфыренных как павлины, надутых и важных, как индюки княжичей и бояричей. Надела Настенька серебряный перстень себе на палец, и тут же поняла, что только Николку и будет ждать с поля брани.

А витязи выехали за городские ворота в чисто поле, стали по сторонам оглядываться – не видно ли чудовища? А его – что искать? Трёхглавый и сам – тут, как тут. С нынешнего утра уже и ближние к столице деревни, и посады в пепел успел обратить. Не пощадил ни старого, ни малого. Кто от

чудовища схоронился – жив остался, кто не успел – мёртв лежит.

Смотрят витязи, и видят: выезжает из чадного, дымного пожарища всадник вида необычного на каком-то страшном, уродливом коне. И не поймёшь: зверь это едет или не зверь, человек или не человек? Над его плечами на длинных шеях высятся три одноглазые драконьи головы, на каждой из которых – по золотому рогу. За спиной сложены перепончатые крылья, в когтистых лапах два кривых меча-ятагана, покрытых запёкшейся кровью. Да и конь его тоже с золотым рогом на лбу больше похож на дракона, чем на коня. Из его клыкастой пасти не ржание исторгается, а рёв и шипение вперемешку с языками пламени.

Как увидели витязи это страшилище, сразу же им стало не по себе. Поняли они, что просто так его не победить. Скорее, этот Трёхглавый может иссечь в капусту любого из них, как бывало уже не раз с теми, кто выходил против него прежде. А когда подскакало чудовище к ним поближе, холодея сердцем, витязи увидели острые железные копыта коня, впивающиеся в землю. Остановился Трёхглавый, дохнул огнём и, глядя на людей своими кровавыми глазами, всеми тремя пастьями клыкастыми хрипло расхохотался.

– Эй, людишки! Неужто меня, самого Погубилу Смертоносца, победить надеетесь? Уносили бы вы ноги, подобру-поздорову! И часа не пройдёт, все мертвы лежать будете!

Стали богатыри впопыхах судить и рядить – как им лучше

в бой вступать? Всем сразу накинуться, или по одному выезжать? Хотел Николка своё присоветовать – каждому разом выпустить в чудище по стреле, и сразу же, пока оно не опомнилось, накинуться на него самым сильным бойцам на мечах. Да только чванливая знать его и слушать не стала. Мол, много ли ума у мужика, у деревенщины? И решили витязи, что выезжать будут по одному. Первым вызвался боярский сын Фолопий. Метнул он в Погубилу своё длинное, острое копьё, да только тот проворен оказался – отскочил в сторону, и воткнулось оно в землю далеко за его спиной. Тогда кинулся Фолопий на чудище с мечом иноземным, золотыми узорами узукрашенным. Замахнулся и ударил. А Трёхглавый один из своих мечей подставил, и меч боярича развалился на две половины, словно был слеплен из хлебного мякиша. Снова расхохотался Погубила, и заорал голосом страшным:

– Вот и смерть твоя настала!

И впрямь, ещё бы миг, и слетела бы голова боярского сына, да тут просвистели три стрелы одна за другой, вонзившись в разверстые пасти всех трёх голов, и ручьями хлынула из них чёрная кровь, заливая коня и доспехи. Взвыл Трёхглавый и кинулся наутёк, в одно мгновение скрывшись в чёрном дыму пожара. А Фолопий вернулся к витязям и стал благодарить их за подмогу, хвалить стрельбу меткую. А те руками разводят, на Николку указывают – это он тебя выручил, а не мы. Уж, как осерчал Фолопий!

– Ишь, – говорит, – выискался помощник! Я бы и без тебя,

мужик лапотный, с чудовищем справился бы. Впредь – знай своё место, да под ногами не путайся.

Промолчал Николка, ничем не стал отвечать на это неумное чванство. Вернулись богатыри в город, поехали в царские палаты пировать, праздновать первую ратную удачу, своей удалью да богатырской силой хвастаться. А Николка – напрямик в слободку, к себе на постой. Расседлал коня, дал ему поесть-попить, а сам начал править сбрую, чистить доспехи и точить свой меч. А после ужина снова отправился на сеновал. Только вот сон к нему всё никак не идёт. И про завтрашний день думается, про новую битву с Трёхглавым... А тут ещё и царевна Настенька стоит пред глазами. Запала она ему в душу. И не потому, что царевна, и не потому, что собою пригожа, а взгляд у неё добрый и душевный. С такой – хоть сто лет проживи, но и сердце к ней не остынет, и душа не зачерствеет.

Вышел он в сад, сел под старую яблоню и задумался. Неведомо сколько он просидел, только видит – мелькнули над садом птичьи крылья, и на яблоню сели две большие серые совы. Начали они ухать, по-своему, по-совиному, меж собой о чём-то разговор вести. Достал Николка из кармана лесной орешек и быстро его съел. И тут же услышал, как одна сова спрашивает другую:

– А что, тётка, ты и впрямь считаешь, что Погубилу Смертоносца никто из богатырей не сможет одолеть?

– Никто! – ухает другая. – Потому, что защищает его и

от копья, и от меча неведомая колдовская сила. Отсекут ему руку – через день вырастет другая. Отсекут все три головы – через неделю они опять на месте. Изрубят его на мелкие кусочки – пройдёт время, всё опять срастётся. На каждой из его голов – по золотому рогу. Через них-то и приходит к нему сила тысячи демонов, что породили его из адского огня.

– И в чём же кроется это колдовство? – снова спросила молодая.

– Это страшная тайна, и знать её – не всякому дано... – перешла на шёпот старая сова. – Есть в двух днях пешего хода от стольного града высокая гора. На её вершине – густой, непроходимый лес, посреди которого голая поляна. Не растёт на ней ни травинки, ни былинки. Есть один лишь сухой куст терновника. Но – ой, какой же он опасный! Стоит его коснуться хоть человеку, хоть зверю или птице – и конец ему, всякий тут же сгорит без остатка. В гуще куста скрывается змея железная с золотым рогом на голове. Ни огнём ту змею не сжечь, ни мечом не разрубить. Держит она в своей пасти, ни на мгновение не выпуская, чёрное, каменное яйцо. Вот в нём-то и скрыта сила Трёхглавого. Если яйцо разбить, в тот же миг развалится он на части и обратится в чёрную глину. Но даже если и сыщется удалец, который доберётся до вершины, то у змеи яйцо ему ни за что не отнять. Стоит ему подойти к терновнику, как, она тут же его задушит, обвившись вокруг шеи. Яйцо разбить тоже непросто – прежде его надо раскалить на семи огнях, а потом бить по нему се-

мью самыми тяжёлыми молотами.

Заухали совы, взмахнули крыльями и скрылись в ночной темноте. Долго думал Николка над услышанным. Уж, не про ту ли гору рассказала старая сова, что ему нынче утром говорила и Селивёрстовна? Вот бы её разыскать! Положим, взобраться на вершину он сможет. Вот, только, как справиться со змеёй, не коснувшись терновника? А идти туда, хочешь – не хочешь, придётся. Раз Трёхглавого оберегает чёрное колдовство, то человеческой силой это чудовище – попробуй, одолей! Хоть тысячу богатырей собери – ничего они поделать не смогут. Поэтому выход тут может быть только один: найти гору, добыть колдовское каменное яйцо и разбить его.

И тут пришла Николке мысль: а что, если применить хитрость и смекалку? А пусть чудовище само укажет, где находится его заветная гора. Ну а на змею тоже можно будет найти управу!

Отломил Николка с яблони сухой сучок, взял ножик, и что-то начал вырезать из дерева. Почти до рассвета просидел со своей работой. Потом опять забрался на сеновал, и проспал там до первых петухов. А как солнце поднялось, он поехал к городским воротам. Все витязи уже на площади. Вчерашний день вспоминают, о нынешнем разговоры ведут. Как подъехал Николка, все знатные богатыри тут же скривились, как от редьки горькой, меж собой шушукаться начали да на него исподтишка пальцем указывать. На вчерашнем-то пиру его хоть и не было, но витязи сразу же приметили на паль-

це царевны серебряное колечко с изумрудом. Тут же догадались, чьё оно. Обуяла их чёрная зависть и злое недовольство: как же это так? Дочь царя заранее сделала свой выбор в пользу какого-то лапотного мужика, деревенщины неотёсанной?!

Пуще всех был зол боярич Фолопий. Поэтому вчера ещё во время пира куда-то послал своего самого верного слугу с тайным письмом и сумой золота. Увидел Николку боярский сын, и тут же надменно отвернулся, словно тот днём прошедшим его не от верной смерти спас, а наоборот, сам пытался погубить.

Стали витязи уговариваться, как биться им с чудищем сегодня. Решили нападать сразу по трое, с разных сторон. Сражаться до первой крови или поломки оружия. Как только первые трое дальше бой вести не смогут, их тут же сменят другие. Послушал Николка и говорит:

– Разумно придумано, только сами же видите, что вся сила чудища в чёрном колдовстве. Как ни сражайся с этим супостатом, колдовство простой силой не пересилить. Может, кто знает, где в двух днях пешей ходьбы от столицы есть гора с сухим кустом терновника на вершине? Ведомо мне стало, что там и кроется сила Трёхглавого.

В ответ витязи руками замахали, над его словами начали язвить и насмехаться. Дескать, что за сказки ты нам тут начал рассказывать? Какое-такое тут может быть колдовство? Вон, на завалинке сидят старухи, иди к ним в компанию, бу-

дете друг другу небылицы сочинять! А уж мы сами, и без тебя как-нибудь победим страшилище. Говорит княжич Аникей:

– Будет сегодня сеча – соваться не вздумай, а то только помешаешь, у нас под ногами путаясь!

Слушает эти хвастливые глупости Николка, а сам в ответ ни слова – что попусту пререкаться с теми, кого судьба умом не наградила? Протрубила труба, и снова поехали витязи в чистое поле биться с Трёхглавым.

А он им уже в гари и дыму навстречу скачет, диким зверем ревёт, мечами-ятаганами сверкает. Опять за утро спалил больше дюжины сёл, потоптал своим конём и порубил множество народу. Первым, как и вчера, навстречу ему поскакал сын боярский Фолопий (очень уж ему хотелось стать царским зятем и наследником трона), а с ним – сыновья княжеские Аникей и Никодим. Все трое – сажень в плечах, все воинскому делу у лучших мастеров обучены. Разом метнули они в Погубилу свои копья с разных сторон. Только ни одно до него не долетело – Трёхглавый их на лету перерубил своими ятаганами. Выхватили витязи мечи, пришпорили коней и накинулись на чудовище, да только опять незадача вышла. Все три меча, откованные из лучшего заморского булата, с одного удара Погубилы рассыпались как стеклянные.

Махнул Трёхглавый своими кривыми мечами ещё раз, и повалились с коней на землю, обливаясь кровью, Аникей и Никодим. Если бы не было на них лучшей заморской бро-

ни, разрубил бы он их пополам. Фолопий, видя такое, себя не помня, дал коню шпоры и – наутёк. А те трое, что должны были вступить в сечу следом за этими богатырями, только выехав навстречу Трёхглавому, сразу же бросились, кто куда. Видит Николка, что чудище направило своего коня на раненых витязей, чтобы тот их копытами с землёй перемесил, чтобы смерть их была долгой и мучительной, выхватил меч, и во весь опор, с громким криком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.